

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Л. А. МОЛЧАНОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И УСАДЕБ БЕЛОРУСОВ

В древних актах Белоруссии, относящихся к XVI—XVII вв., сельские населенные пункты наиболее часто обозначаются терминами «село» и «деревня». А. Н. Харузин полагает, что название «деревня» применялось русскими и только отчасти белорусами. По нашему мнению, такое утверждение в некоторой мере лишено исторической правды, так как название «деревня», оставшееся широко распространенным в XIX в. только в восточных областях Белоруссии, в древности бытовало на всей территории, заселенной белорусами.

На основании этнографических материалов, подавляющее большинство которых относится ко второй половине XIX в., можно заключить, что термин «село» имел более широкое значение и в некоторых местах даже вытеснил термин «деревня». По данным П. В. Шейна, в местном народном говоре бывшего Слонимского уезда не было слова «деревня», любой сельский населенный пункт там назывался селом¹.

По сообщению А. Н. Харузина, в Белоруссии крестьянские поселения назывались селом и реже деревней, причем термин «село» употреблялся обыкновенно для обозначения и села, и деревни, а термин «деревня», известный преимущественно на востоке, означал только деревню, а не село². Если в северо-западных областях к XIX в. термин «село» и вытеснил термин «деревня» или часто подменял его, на востоке Белоруссии полного слияния этих понятий не произошло и статистические материалы четко разграничивали употребление соответствующих терминов. Так, К. Т. Аникиевич, приводя общий перечень населенных пунктов Сенненского уезда Могилевской губернии в начале XX в., отмечает, что среди них сел — 45, а деревень — 789³.

По утверждению П. В. Шейна, для населенного пункта, называвшегося селом, было характерно наличие церкви, волостного правления, урядника, училища и фельдшера. Отсюда можно заключить, что село в XIX в. являлось своего рода административным и культурным центром.

¹ П. В. Шейн, *Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края*, т. 3, СПб., 1902, стр. 505.

² А. Харузин, *Славянское жилище в Северо-Западном крае*, Вильно, 1907, стр. 142.

³ К. Т. Аникиевич, *Сенненский уезд Могилевской губернии*, Могилев, 1907, стр. 96—97.

К сожалению, лишь немногие авторы пытались выявить более глубокую взаимосвязь между селом и деревней. Одним из таких исследователей был Н. Костомаров. Он пишет: «Жилые земельные участки местности без церквей и даже небольшие сельца принадлежали к селам в силу образа их основания, ибо новые поселения основывались посредством выселков из старых. Из сел выходило несколько семейств, основывали деревню, которая могла превратиться в село, из этого села выходили в свою очередь жители и основывали починки и деревни.

Первое родоначальное село удерживало старшинство над своими выселками и оставалось между ними центром сношения, по крайней мере до тех пор, пока время не изглаживало из памяти этой старинной и исторической связи»⁴.

Древние белорусские акты не дают прямого ответа на вопрос о том, чем отличалось село от деревни. Но анализ их текстов позволяет говорить об определенной взаимосвязи между этими населенными пунктами. Так, в одном из документов XVII в. записано: «Храм каменный Преображенья господня, при котором исстари монастырь бывал, а ныне влусте стоит; к тому-ж монастырю земля пашенная; к тому-ж монастырю мельница на реке Полоте; к тому-ж монастырю в Полотеском уезде деревня Лучно, село Сосница, в той же Соснице деревни: Дедюны, Котляны, Залесье, Городище»⁵. Е. Р. Романов приводит текст из инвентарной книги XVI в., где сказано: «Село Рыньдино, над р. Ловатью, того же села Рыньдина: деревня Асиновка над речкою Колью, деревня Филипово, деревня Васково, деревня Селково, деревня Альшутино»⁶. Из приведенных документов можно заключить, что села Сосница и Рыньдино являлись не только административными центрами, но и родоначальниками прилегающих деревень.

В этом собственно и заключается принципиальное различие между селами более раннего времени и селами XIX в. В XIX в. село являлось только административным центром окружающих его деревень, независимо от происхождения этих деревень.

Старинные взаимосвязи между селом и деревней были нарушены, по всей вероятности, земельными реформами середины XVI в. В результате этих реформ, генетическая связь между селом и деревней стала отходить на второй план и постепенно вообще забылась. Сельские населенные пункты стали различаться по тем обязанностям и повинностям, которые они несли перед своим владельцем. Так появились новые термины: «села осадные», «села тяглые», «дворные села». Судя по данным о Гродненской экономии, где из 19 явно новых сел тяглых было 4, а остальные — осадные, можно утверждать, что осадными были, как правило, новые села, основанные на «сыром корне», т. е. на новом месте, где раньше не было поселений, обычно в лесу. Жители осадных сел были освобождены от работы в фольварках и вообще пользовались некоторыми льготами, так как ипаче не нашлось бы охотников выселяться в места, где земледелие было связано с тяжелыми работами по расчистке леса, осушению болот и поднятию целины. Тяглые села располагались обычно на старых разработанных полях недалеко от фольварков. Дворные села находились, как правило, непосредственно при фольварке. Обычно население этих сел составляла бывшая панская прислуга, которую посадили на землю согласно земельной реформе Сигизмунда-Августа.

Земельная реформа («Устава на волоки») касалась прежде всего королевских поместий, но ее провели и многие частные владельцы. В во-

⁴ Н. Костомаров, Очерк домашней жизни великорусского народа в XVI—XVII столетиях, «Зап. Русск. Арх. Об-ва», т. VI, 1893, стр. 6—7.

⁵ А. Сапунов, Витебская старина, т. IV, ч. II, Витебск, 1885, стр. 49.

⁶ Е. Р. Романов, Материалы по исторической топографии Витебской губернии, Могилев, 1898, стр. 85.

сточных областях Белоруссии эта реформа проводилась позже, уже в XVII в. Возможно, вследствие этого термин «деревня» здесь сохранялся в народном языке дольше, чем в западных областях, где реформа была проведена гораздо раньше. Поэтому не случайно П. В. Шейн отмечал, что «крестьяне Гродненского уезда по искони укоренившемуся обыкновению деревни называют селами»⁷. В «Уставе на волоки» 1557 г. не проводится различий между селом и деревней, там вообще термин «деревня» не упоминается. «Землеустроительные работы,— писал Д. Л. Похилевич,— начинались с установления внешней границы поместья, затем волость разбивалась на войтовства, а последние на села»⁸. В войтовство входило от 5 до 22 сел⁹.

Каждое село выступает как определенная хозяйственно-поземельная единица, имеющая стабильные границы. Ему отводились не только наделы — волоки для его жителей, но и земли для пользования на правах аренды, участки для церкви, корчем, мельниц и, наконец, земли для общественного пользования¹⁰. Выделялись ли дополнительные земли всем селам, сказать трудно, так как материал, имеющийся в нашем распоряжении, не дает ответа на этот вопрос. Село, имевшее церковь и расположенное в центре окружающих его поселений, становилось административным центром войтовства.

В Белоруссии населенный пункт административного характера часто назывался также местечком (мястэчка). «То, что великорусские крестьяне зовут селом, т. е. большую деревню с церковью, здешние белорусы (имеется в виду Гайно-Слободская волость Борисовского уезда Минской губ.— Л. М.) именуют местечком (мястэчка)»¹¹.

Термин «местечко», применяемый для обозначения населенного пункта, характерен для восточных славян, он известен был не только белорусам, но и украинцам. Местечки представляли собой не чисто сельские населенные пункты, а небольшие городки, обычно находившиеся в частнособственническом владении и не пользовавшиеся магдебургским правом. А. Харузин отмечал, что «деревня, вёска или околица противопологается поселению с некрестьянским населением — место, местечко (так иногда называют большое село)»¹². Дальнейшая судьба этих местечек была различна: те из них, в которых сложились благоприятные торгово-промышленные условия, превратились в города, а другие не развились дальше сельских административных центров.

Из сельских поселений, кроме села и деревни, следует отметить характерные только для Белоруссии околицы и застенки.

Околицы — поселения мелкой шляхты, занимавшейся сельским хозяйством. Располагались околицы около деревень, отсюда, вероятно, они и получили свое название. Находясь около деревень, околицы все же представляли собой особые поселения

А. П. Мышко, описывая деревню Ревки Скидельской волости, отмечает, что здесь «есть и шляхта, пришлые поляки. Они живут в особой околице, где дома расположены над самой рекой (Неман), тогда как деревня Ревки примыкает к реке только одним своим концом»¹³.

Околиц сравнительно с другими сельскими населенными пунктами было немного. Так, в Сенченском уезде при наличии 45 сел, 789 дере-

⁷ П. В. Шейн, Указ. соч., т. III, стр. 505.

⁸ Д. Л. Похилевич, Землеустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI—XVII вв., М., 1952, стр. 351.

⁹ «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, Вильно, 1884, стр. XXII.

¹⁰ Д. Л. Похилевич, Указ. соч., стр. 355.

¹¹ А. К. Васильев, Гайно-Слободская волость Борисовского уезда Минской губ., «Живая старина», XII, 1902, № 2, стр. 246.

¹² А. Харузин, Указ. соч., стр. 147.

¹³ А. П. Мышко, Этнография деревни Ревков Скидельской волости Гродненской губернии 1914 г., «Советская этнография», V, М.—Л., 1941, стр. 81.

вень, 281 застенка, околлиц было только 9¹⁴. Жители околлиц обособляли себя от крестьянского населения. Если незнакомый прохожий спросит обитателя такой околлицы: «Якое гэта сяло?», то считали это за обиду. «Якое табе сяло?... Ці ты не бачыш, што гэта аколліца»¹⁵.

Застенок — обычно хуторское поселение мелкой шляхты. А. Харузин писал, что застенки надо понимать в смысле односелья, хутора, займки, однодворка, наконец, одинокого, лежащего вне общей межи, поселка¹⁶. По мнению А. Харузина, название «застенок» объясняется тем, что такое поселение, возможно, ранее было окружено защитной стеной. Но это его предположение ошибочно. Застенки, как и околлицы, возникли в более позднее время, но крайней мере не раньше XVI в. Застенок получил свое название от местоположения участка земли, на котором он основывался. По «Уставе на волоки» 1557 г. отводимая крестьянам пахотная земля разбивалась на три поля. Каждое из трех полей имело свои «стены», т. е. точно обозначенные границы. Отсюда все земли села, лежащие за пределами этих стен, назывались застенками. Застенки были почти в каждом селе. Эти мелкие пахотные и сенокосные отрезки сдавались иногда крестьянам на определенный срок в аренду. Обычно застенковые земли отдавали мелкой шляхте, которая и селилась одним или несколькими дворами.

Одинокий двор крестьянина в некоторых местах, например в Витебской губернии, назывался «выселком». Название «хутор» более позднего происхождения и связано уже с другими формами землепользования. Основная масса хуторов в Белоруссии появилась в XX в. после столыпинской реформы (1906). Особенно много хуторов возникло после вредительской деятельности белорусских националистов (1924), которые путем проведения хуторской системы пытались усилить кулацкий элемент в деревне. В западных областях Белоруссии массовое выселение на хутора проводилось во время господства панской Польши, особенно в 1930—1934 гг.

«Выселки» или «приселки» отвечают понятию «хутор» более позднего времени. Приселок состоял из одного или нескольких дворов, выселившихся на лесную поляну или на расчищенное лесовище из ближайшего селения; это новый поселок, из которого через несколько поколений образуется настоящая деревня. «Появление таких приселков объясняется расположением крестьянских полей: при существующей чересполосице крестьянские поля нередко оказывались вдали от поселений, среди казенных или помещичьих лесов и угодий; разветвляющиеся семьи охотно основывали приселки, избегая неудобств пользования полями, разбросанными в различных местах»¹⁷. Однако, как правило, населенные пункты, даже состоявшие из двух-трех хат, уже назывались деревнями.

Большинство авторов отмечает малое число дворов в белорусских деревнях. «Разница между великорусами и белорусами в Смоленской губ., — писал С. В. Максимов, — лишь в том, что великорусы живут плотнее, скученнее, нежели белорусы. Это между прочим одна из самых характерных особенностей белорусского племени, живущего в громадном большинстве случаев в 4—3—2 двора, а иногда и в один двор где-нибудь в лесу»¹⁸. Тот же автор отмечает, что больших сел, как в Великоруссии, здесь почти не встречается, белорусские деревни состоят из 10—50 редко — 70 дворов. Особенно малодворны были селения северо-восточной

¹⁴ К. Т. Аникневич, Указ. соч., стр. 97.

¹⁵ П. В. Шейн, Указ. соч., стр. 60.

¹⁶ А. Харузин, Указ. соч., стр. 147.

¹⁷ Шендрик и Довнар-Запольский, Этнографический очерк, «Россия» т. IX, стр. 189—190.

¹⁸ С. В. Максимов, Белорусская Смоленщина с соседями, «Живописная Россия», т. III, СПб., 1882, стр. 442.

части Белоруссии, Витебской губернии. На это указывали многие авторы¹⁹.

П. В. Шейн писал: «Деревни в Витебской губ. всегда бывают небольшие, — редко можно тут встретить деревни хат в 20; обыкновенно они состоят не более как из 10»²⁰. При этом многие авторы придерживались ложной точки зрения, объясняя малочисленность белорусских деревень особой любовью белорусов «к дикой, уединенной жизни».

Основные причины малочисленности деревень следует искать в социально-экономических и отчасти в природных условиях края.

В период феодализма в условиях экстенсивного сельского хозяйства, при крайне низкой технике земледелия невозможно было селиться большими деревнями. Расселения малыми деревнями требовала подсечно-переложная система земледелия, долгое время, хотя и в пережиточной форме, сохранявшаяся в лесной полосе Белоруссии. В условиях лесов и болот, где расселялись белорусы, сплошь и рядом можно было расчистить только небольшой клочок земли, поэтому с возрастанием населения необходимо было искать другие места жительства. Экстенсивная система земледелия, основанная на эксплуатации возможно большего пространства земли, вынуждала расселяться мелкими поселками.

В первые столетия феодальной эпохи это расселение происходило стихийно. Очень интересные в этом отношении данные приводит М. К. Любавский. Основываясь на актах XVI в., он полагает, что возникновение поселков в Западной Руси в то время часто происходило следующим образом. Крестьянин находил в великокняжеской пуще никем не заклеянные бортные деревья, ставил на них свое клеймо, и сам или кто-нибудь из его семьи переселялся сюда на лето для наблюдения. У наблюдающего за бортями оставалось много свободного времени, поэтому, если позволяла почва, он вспахивал участок и засеивал его яровыми хлебами. С течением времени пашня и сенокос вместе с бортными деревьями становились достоянием крестьянской семьи на правах заимки. При разрастании семьи на бортном урожае появлялся новый крестьянский двор, отделившийся от старого двора и, таким образом, в чаще появлялась людская оседлость²¹. Такие поселки возникали на местах смолокурен, лесоразработок, в местах, где добывалась болотная руда, и т. д., о чем свидетельствуют названия белорусских деревень — многочисленные Буды, Рудни, Гуты, Поташни и др.

В более позднее время колонизация и возникновение новых поселков шли в результате правительственных мероприятий. Много новых сел было основано при реорганизации земельных владений в связи с реформами XVI в. В большинстве новых сел насчитывалось весьма незначительное число жителей. Так, согласно «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжества», основной материал которой относится к XVI в., села состояли, особенно в заречной части Пинского княжества, из отдельных крестьянских дворов или небольших поселков²².

С ростом населения отдельные поселки превращались в большие села, в которых в XIX в. уже насчитывалось до 100 жителей²³. Но во многих поселках численность населения повышалась мало, так как в эпоху феодально-крепостнических отношений в связи с тяжелыми для народа условиями жизни прирост населения был сравнительно слабым. В предисловии к «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжества» приведенные

¹⁹ Е. Васильев, Обзорное хозяйство государственных крестьян Витебской губ. и «Журнал Министерства государственных имуществ», X, 1844, стр. 127; Шендрик и Довнар-Запольский, Указ. соч.

²⁰ П. В. Шейн, Указ. соч., стр. 3—4.

²¹ М. К. Любавский, Историческая география России в связи с колонизацией, М., 1909, стр. 101.

²² Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества.

²³ К. Т. Аникиевич, Указ. соч., стр. 96—97.

в ней данные о количестве населения сравниваются с материалами переписи ревизских душ, со списками Губернского по крестьянским делам присутствия по тем же селам и указывается, что численность народонаселения увеличилась в них в течение 300 лет не более как в 5—6 раз²⁴. Число же дворов, по всей вероятности, увеличилось не более чем в два раза, если учесть, что в одной хате ютилось в страшной тесноте несколько поколений.

В древности малодворовые поселения были характерны для всей Белоруссии, а в XIX в., судя по этнографическим описаниям, наметились уже некоторые различия в размере сельских населенных пунктов севера и юга Белоруссии. На севере чаще встречались мелкие поселения, а на юге — более крупные. Малые размеры деревень на севере Белоруссии были обусловлены тем, что эта территория часто была ареной военных действий. В результате войн опустошались целые местности, население которых либо погибало, либо спасалось бегством. В повторной грамоте, данной в 1655 г. полоцкому Богоявленскому монастырю, царь Алексей Михайлович писал своему окольному и воеводе князю Дмитрию Алексеевичу Долгорукову: «Били нам челом из Полотеска Богоявленска монастыря старец Елисей со братиею наше де жалованье дано им в монастырь, отчинка в Полотеском уезде; деревня Крешуты с деревнями, всего семь деревень; а на предь де сего в тех деревнях было осмьдесят дворов крестьянских, а у них де в нашей жалованной грамоте только сороч дворов, потому что в то время и с тех деревень крестьяне были в бегах, а пыне из бегов в дома свои собираются, и вы де из их дач деревню Девичье отдали казаку Ивашку Ляху с товарищи, а та деревня истари церковная купленая, а за помещики и за отчинники ни за кем не бывала»²⁵. Из этого документа видно, что во время войны численность населения деревень сократилась в два раза.

Данные о малочисленности северных деревень в XIX в. относятся к тому времени, когда еще не изгладились последствия наполеоновского нашествия. А. К. Васильев, описывая Гайно-Слободскую волость Борисовского уезда Минской губернии, отмечал: «Говорят, до нашествия французов крестьяне этой местности селились большими деревнями, но после пожаров, произведенных французами, стали строиться отдельными поселками»²⁶.

Таким образом, различия в размерах поселений на севере и юге Белоруссии обусловлены не племенными особенностями населения этих частей, а конкретной исторической обстановкой.

Относительно планировки сельских населенных пунктов Белоруссии в более раннее время (XIV—XV вв.) прямых данных нет. В известном альбоме Мейерберга, датированном 1662 г., изображены только русские села и деревни. Представленные на этих рисунках различные селения застроены без всякой системы, они тянутся то вдоль дороги, то перпендикулярно к ней, переулки узкие и кривые, изредка большая дорога разделяет село, но большей частью обходит его. Бессистемная разбивка домов группирующихся около церкви, отражена и на рисунках более позднего времени²⁷. Такая же бессистемная застройка деревень была и в Белоруссии. Об отсутствии планировки свидетельствуют этнографические материалы. Внимательный наблюдатель крестьянской жизни Витебщины первой половины XIX в. Н. Анимелле писал: «Должно думать, что истари хозяева от времени до времени пристраивались вновь, каждый по своему произволу, не соблюдая никаких линий. Дворы разбросаны в деревне как попало и находятся один к другому и сзади, и спереди, и прямо, и

²⁴ «Писцовая книга Пинского и Клежского княжества», стр. XXIV.

²⁵ А. Сапунов, Витебская старина, т. IV, ч. II, стр. 46.

²⁶ А. К. Васильев, Указ. соч., стр. 246.

²⁷ А. Г. Введенская, Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в., Труды Гос. Историч. музея, вып. XV, М., 1941, стр. 77.

наискось, притом все дворы стоят между собой очень тесно. Расположение это неприятно и губительно в случаях пожара»²⁸. В одной из рукописей 1850 г. говорится о такой же беспорядочной застройке в Лепельском уезде. Автор пишет, что всякий хозяин, строя для себя дом, всеми силами старался, чтобы солнце весь день светило в окна; это стремление сопровождалось нередко беспорядочным расположением домов в деревнях²⁹.

Особенно беспорядочно застраивались шляхетские околицы. По описанию П. В. Шейна, въехать в околицу мог только тот, кто бывал там не менее десяти раз, так как въезд туда не скоро найдешь. Там, например, с правой стороны стоит дом, сарай, с левой — хлев, напротив — хлев другого шляхтича. За этим хлевом опять дом, который окружен хлевами соседей и т. д.³⁰ Описание это касается Гродненской губ., где особенно много было шляхетских поселений.

Бессистемная, разбросанная застройка деревень характерна для более ранних поселений, о чем можно судить на основании «Устава Кнышинского старостава», где сказано, что староста должен следить за тем, чтобы «крестьяне селились в одном поле — обычаем подляским» и «чтобы так разное не сидели, как раньше»³¹.

В Подлясье раньше, чем в других районах Белоруссии, возникли села с новой, упорядоченной планировкой. Это объясняется тем, что еще в 1530—1540-х годах в западных воеводствах Литовского княжества наблюдалась оживленная деятельность наместников и владельцев по колонизации края. Колонизация шла как за счет пришлого населения, так и, главным образом, за счет местных жителей. Возникавшие в результате колонизации новые села имели уже новый, упорядоченный вид, соответствующий новым формам землепользования.

Более определенные сведения о реорганизации и перепланировке сел дает «Устава на волоки» 1557 г. В результате организации фольварочного хозяйства немало старинных селений было снесено и их территории распаханы, одновременно возникло много новых сел на «сыром корне».

Села сносили в тех случаях, когда их территория отдавалась шляхте, или если земля, на которой стояло село, была плодородная и на ней можно было устроить фольварок. Кроме того, если близ хороших полей, выбранных для фольварка, не было достаточного количества населения, способного обрабатывать эти поля, проводилось «приселение» крестьян.

При проведении земельной реформы Сигизмунда-Августа, целью которой было увеличение доходов «скарба», принимались также меры к упорядочению планировки крестьянских поселений, так как старые, бессистемно застроенные деревни были подвержены массовому выгоранию, что больно било по доходам короля и вело к разорению и без того нищего крестьянства.

После реформы большинство королевских (господарских) сел, независимо от того, были ли они тяглые, осадные или служебные, укрупнились и приняли однообразный стандартный уставный план. Общий вид сел в королевских поместьях определялся 7-й и 29-й статьями «Уставы». Согласно статье 29-й, ревизоры обязаны были наблюдать за тем, чтобы места для поселения отводились землемерами на третьем, среднем поле, т. е. в центре общей территории. Перенесение построек на другое место возможно было лишь с разрешения администрации. Располагаясь на среднем поле, село вытягивалось вдоль основной улицы: хаты ставили по одной стороне улицы, гумна же в противопожарных целях располагали

²⁸ Н. Анимелле, Быт белорусских крестьян, «Этногр. сборн.», вып. II, СПб., 1854, стр. 125.

²⁹ Д. К. Зеленин, Описание рукописей ученого архива Русского географического общества, вып. I, Пгг., 1914, стр. 130.

³⁰ П. В. Шейн, Указ. соч., стр. 59—60.

³¹ J. Baranowski, Materiały dziejów wsi w Polsce, Warszawa, 1909, стр. 14.

на другой стороне, огороды находились за хатами и обычно примыкали к воде — реке, пруду или болоту³².

Если природные условия не позволяли разместить все село на среднем поле, часть усадеб застраивали на других полях. В тех местностях, где среднее поле никак нельзя было выкроить возле воды или оно по условиям рельефа не годилось для заселения, усадьбы располагали на другом подходящем поле³³.

Указания о размещении села на среднем поле содержатся и в более ранних документах о земельных реформах (померах). Например, в «Реестре дворов Виленского тиунства», меряного в 1554 г., почти у каждого названия села имеется приписка: «Усадьба тому селу в среднем полю»³⁴.

Планировка проводилась, повидимому, прежде всего в селах, которые либо переносились, либо вновь образовывались. Села же, оставшиеся на прежних местах, не всегда подвергались перепланировке. Так, в Берестейском старостве ревизоры избегали ломать старые села ради перепланировки. В инвентарной книге села Кадлубовского Берестейского староства, заселенного освобожденными слугами, сказано: «Село по-старому будет сидеть на своих усадьбах согласно их просьбы, а когда пожелают поселиться по-новому, то своими землями, согласно пользования до этого — братья и сябры поделаются между себя поровну»³⁵.

Нередко село приобретало уставный вид благодаря тому, что после перепланировки полей гумна переносились через дорогу на другую сторону улицы³⁶.

Д. Л. Похилевич, изучавший земельные реформы XVI в. в Белоруссии, утверждает, что определенный «Уставой» вид имели почти 90% всех сел Гродненской экономии, а также в огромной степени села Кобринской экономии, Берестейского, Пинского, Жемойтского и других староств³⁷. Насколько верен этот процент, сказать трудно, но действительно села с застройкой жилых помещений по одной стороне улицы, а хозяйственных по другой стороне в XIX в. встречались в самых различных районах Белоруссии и, повидимому, были широко распространены в прошлом. По рукописям, хранящимся в архиве Всесоюзного географического общества в Ленинграде, можно заключить, что такого типа застройка была известна в Ошмянском уезде Виленской губернии³⁸. П. В. Шейн отмечал одностороннюю застройку деревни в Минском уезде³⁹. Односторонняя застройка была характерна для старинного Турова и окрестных деревень⁴⁰. Экспедицией сектора этнографии АН БССР в 1953 г. такого типа застройка отмечена в деревне Хлябы Пинского района. По рассказам стариков, деревень с односторонней застройкой было много в прошлом и в других местах.

Планировку такого типа все авторы считают древней. Впоследствии с ростом населения односторонняя застройка постепенно видоизменялась и переходила в двустороннюю. Вот как описывает один из авторов этот процесс в Гродненской губернии: «В южной части Бельского уезда — постройки другого типа. Здесь теплые постройки, изба с сенями и истопкой, ставятся по одной стороне улицы, а холодные постройки — амбары, сараи, хлевы — по другой, также в одну линию. Затем к избе переносятся хлевы, а за улицей остаются амбары, сараи и гумно, затем к избе переносятся и амбары, а наконец и сараи. За улицей остается только гумно. В последнее время, с усилением семейных разделов, теплые по-

³² «Устава» 1557 г., стр. 29. Метрика Литовская, л. 438.

³³ Istorijos Archivas, т. I, Kaunas, 1936, стр. 57, 59, 69.

³⁴ Там же, стр. 57.

³⁵ «Писцовая книга Гродненской экономии», ч. II, стр. 379.

³⁶ «Писцовая книга Гродненской экономии», ч. I, стр. 461.

³⁷ Д. Л. Похилевич, Указ. соч., стр. 557.

³⁸ Д. К. Зеленин, Указ. соч., стр. 110.

³⁹ П. В. Шейн, Указ. соч., стр. 505.

⁴⁰ «Туров и Туровщина», «Минские губернские ведомости», 1877, № 4—9.

стройки стали переноситься и через улицу»⁴¹. Таким образом, с течением времени образуется деревня, застроенная вдоль одной улицы, по обе стороны размещаются жилые постройки.

Для белорусской деревни XVIII—XIX вв. наиболее характерна двусторонняя застройка.

Белорусская деревня XIX в. описана многими авторами, все эти описания более или менее схожи. Вот одно из таких типичных описаний, касающееся северо-восточной части Пинского уезда: «Деревни встречаются редко, и вы на них натываетесь, так сказать, неожиданно: ничто вам не указывает близкого их присутствия — разве старая церковь, обсаженная деревьями, с наклонившейся колокольной и обветшалой оградой. По дороге, о которой не всякий может составить себе понятие, въезжаете в грязную улицу, по обеим сторонам которой тянутся в два ряда черные, закоптелые от дыма крестьянские избы с прилегающими к ним хозяйственными строениями. Деревни имеют самый печальный вид»⁴².

Двусторонняя застройка, повидимому, является не менее древней, чем односторонняя. Д. Л. Похилевич отмечает, что на территории тех же поместий, где господствовал уставный тип села, «осталось немало старых сел, где избы стояли по обе стороны улицы, а гумна — в тылу их. Эти села, преимущественно большие, нередко имели церковь и располагались на старых разработанных землях. Села такого типа были распространены преимущественно среди городских сел»⁴³. Двусторонняя застройка возникла в результате естественного разрастания населенного пункта в границах прежних земельных приусадебных наделов. Процесс роста населенных пунктов безусловно происходил и до XVI в. Поэтому не случайно двусторонняя застройка в XVI в. встречалась в старых селах, часть которых уже имела вид небольших городков. Вновь образованные села с односторонней застройкой, как уже отмечалось, с возрастанием населения также превращались в села с двусторонней застройкой жилых помещений.

Перепланировка сельских населенных пунктов в Белоруссии началась гораздо раньше, чем в других местах, заселенных восточными славянами. В России первые шаги по перепланировке деревень были предприняты при Петре I, т. е. почти на 200 лет позже, чем в Белоруссии. Первый «именной» указ был «объявлен из Сената» 7 августа 1722 г. Этот указ принимался за основу и при разработке позднейших проектов. Указом предписывалось после каждой пары дворов делать разрывы «мерою смотря по положению места, сколько где места дает, только же, конечно, между дворового строения меньше 30 сажений трехаршинных не было построено... А гумна строить им позади против огородов, в немалом расстоянии от дворов». Несмотря на строгость указа, в России еще во второй половине XVIII в. оставалось немало деревень со старой бессистемной планировкой⁴⁴.

В Белоруссии процесс перестройки селений с применением новой планировки шел гораздо быстрее и был более массовым, так как эта перестройка была органически связана с реорганизацией земельных владений, которая проводилась как в королевских, так и в частновладельческих имениях.

Согласно «Уставе», выбор места для размещения села должен был определяться наличием воды: «Селитьба тому селу над озером, каждому на его волоке»⁴⁵, — пишет землеустроитель Виленского тиунства по по-

⁴¹ Материалы по этнографии Гродненской губернии. По поручению Управления Виленского учебного округа. Редактор Е. Р. Романов, вып. 1, 1911, стр. 21.

⁴² В. Быковский, Свадебные обряды и песни в Пинском уезде Минской губернии, Памятная книга Виленского генерал-губернаторства на 1868 год, стр. 63.

⁴³ Д. Л. Похилевич, Указ, соч., стр. 379.

⁴⁴ А. Г. Введенская, Указ, соч., стр. 77.

⁴⁵ Istorijos Archivas, т. I, Kaunas, 1936, стр. 105.

воду села Антозольского. Однако этот пункт «Уставы» далеко не везде соблюдался. В эпоху развития крупного фольварочного землевладения крестьянство отеснялось на наименее удобные земли, в результате чего возникло много деревень, расположенных на неудобных местах, часто вредных для здоровья человека, заболоченных, малярийных или безводных. В этнографических описаниях неоднократно отмечалось, что, несмотря на обилие воды в крае, население деревень страдало от безводья. В Сенненском уезде Могилевской губернии население многих деревень (например, громадное село Косеничи, деревни Замошье, Андрейчики, Хоминичи, Ряснянск и др.) испытывало недостаток воды. В некоторых деревнях жители по ночам «воровали» воду из редких колодцев⁴⁶. Такое положение наблюдалось и в Витебской губернии⁴⁷ и в других местах. Недостаток хорошей питьевой воды вредно отзывался на здоровье людей, которые вынуждены были зачастую употреблять воду из загрязненных прудов и болот. Вообще старая белорусская деревня не могла похвастаться живописностью и благоустройством. Зелени в деревнях было мало, имевшиеся местами красивые рощи со временем были уничтожены, садов из-за малоземелья не садили. Улицы были узки и грязны, особенно в болотистых и низких местах.

Типы крестьянских усадеб находились в тесной взаимосвязи с типами сельских поселений, а также с размерами и формой наделных приусадебных участков. Какой была крестьянская усадьба до земельной реформы XVI в., можно только предполагать, так как известные нам источники не дают ответа на этот вопрос.

Появление «уставных» сел в результате реформы 1557 г. внесло большие изменения в типы планировки усадеб. В деревнях, где жилые постройки ставили только в один ряд, хозяйственные строения располагались через улицу и образовали вторую линию построек. При таком расположении усадьбы иногда близ хаты оставляли только клеть (амбар), поветку (навес для дров) и хлев для свиней. На другой стороне улицы строили гумно, навесы, коровник, овчарню и конюшню, а некоторые — и амбар для хлеба. Наиболее зажиточные располагали постройки замкнутым четырехугольником, в центре которого зачастую копали колодец. Вход в этот двор закрывали плотные с крышей ворота. Такие дворы называли иногда гумнами. Хозяин почти постоянно находился в этом дворе, так как здесь находилось все его богатство. Кроме хлеба в стогах и зерне, скота, крупного и мелкого, здесь хранилась и вся лучшая одежда. Такое расположение двора было удобно в противопожарном отношении. В случае пожаров, которые случались в деревнях довольно часто, погоревший крестьянин не терял всего имущества. Такие усадьбы особенно широко были распространены в Полесье в районе Турова, Давыд-Городка и других, где они сохранялись вплоть до XIX в.

При двусторонней застройке хозяйственные помещения располагались близ хаты в той или иной связи с ней, а гумна ставили в тылу всех построек на некотором расстоянии от жилого комплекса. Этот тип застройки был предшественником позднейших типов застройки — погонной и веночной.

Погонная застройка встречалась двух видов: однорядная и двурядная. Усадьба, застроенная однорядным погоном, представляла собой длинный ряд построек, тянувшихся в глубину двора на 80—100 м. Число и характер построек определялись благосостоянием хозяев. Обычно на первом месте к улице ставили хату с сенями, за ней истопку (или клеть), свиранок, затем за поветкой шли в ряд хлевы: коровник, телятник, конюшня с сенницей, овчарня, свинушник. За двором на некотором рас-

⁴⁶ К. Т. Аникиевич, Указ, соч., стр. 107.

⁴⁷ Е. Васильев, Указ, соч., стр. 127.

стоянии располагалось гумно, или клуня. В этой системе застройки, как и в других, наблюдались разные отклонения и комбинации. Все постройки, кроме гумна, ставили в один ряд под одной общей крышей, но разными срубами. Противоположная сторона усадьбы либо прилегала к стене соседнего двора, либо огораживалась плотным забором: праслом, плетнем, частоколом. Таким же забором огораживали двор с улицы и со стороны огорода. С этих двух сторон во двор вели ворота, устроенные на «коловорте».

При двурядном погоне постройки ставили с двух сторон усадьбы. Такая застройка применялась чаще всего там, где в пределах одного двора жило несколько семей. Дворы такого типа имели вид кривого и тесного коридора, такого узкого, что двум возам в них было трудно разъехаться.

Погонная застройка возникла в результате надела приусадебной земли длинными полосами. Некоторые исследователи, как, например, белорусский этнограф И. А. Сербов, считали, что погонный тип застройки является памятником «если не первобытной, так во всяком случае старинной дреговичской усадебной постройки»⁴⁸. По мнению И. А. Сербова, погонная застройка ведется с давних времен, когда еще не могло быть малоземелья, и в более позднее время при переселении на хутора, когда земли было достаточно; некоторые крестьяне тогда застраивали свои усадьбы старым погонным двором. Эти доводы крайне несостоятельны.

Несомненно, погонная застройка, тесно связанная с узаконенной в XVI в. формой приусадебного надела, является древнейшей и вошла в традицию настолько прочно, что долго сохранялась при любых других условиях в силу косности крестьянского быта. Сам И. А. Сербов отмечал, что молодые хозяева, много повидавшие в «чужих краях», не особенно легко оставляли старину и не хватались за новое, а лишь приспособливали старое к новым условиям жизни. При своем возникновении погонные дворы не были такими узкими, это уже следствие дробления земли (в том числе и приусадебной) в результате семейных разделов. Ответы, полученные на анкету, разосланную Минским историческим комитетом, в большей своей части подтверждают этот вывод.

При двурядной погонной застройке чаще всего в одном ряду от улицы ставили хату (или несколько хат) с сенями и истопкой, поветку, овчарню, свинушник и т. д., а в параллельном ряду размещали напротив хаты клеть, за ней свиронку, коровник, телятник и сенницу. Гумно строили также в некотором отдалении в глубине усадьбы. Застройка двурядным погоном является переходным типом к веночным дворам.

Погонная застройка двора была распространена в юго-западных областях Белоруссии. Для северо-востока был характерен так называемый веночный двор. При веночной застройке постройки не вытягивались далеко по одной линии, а группировались около хаты с трех сторон, образуя вместе с ней как бы венок. Четвертая сторона и пространство между другими постройками загороживались плотным бревенчатым забором — «заметом». Таким дворы, если они хорошо застраивались, надежно защищали от волков.

Однако такие «шчытныя» (плотно застроенные) дворы встречались большей частью у зажиточных. У основной массы крестьянства все надворные постройки состояли только из хлева и клетки. Вот как описывает А. Мейер двор, типичный для восточной Белоруссии XVIII в.: «... дворы окружаются всегда хлевушками и поветками или плоскими на столбах шатрами. Низменные их кругом дворов своих заметы нередко гибелью для скота их бывают, ибо в зимнее время волки и лисицы без

⁴⁸ И. А. Сербав, Вічыньскія паляне, Мінск, 1928, стр. 9.

препятствия через оные протираются и как скот, так и птиц дают и уносят»⁴⁹.

К XIX в. и погонный, и веночный двory имели много переходных форм. В юго-западных областях они встречались вперемежку в пределах даже одной деревни, причем погонный двор был характерен для старой застройки, а веночный — для более новой.

При любой застройке двора жилое помещение чаще ставилось к улице, а клеть, в которой было собрано почти все богатство крестьянина, строилась непосредственно рядом с хатой или напротив боковых окон хаты (при двурядном погоне и веночной застройке). Однако иногда хаты ставили и посреди двора, окружая их хозяйственными постройками.

Если посмотреть на планы старинных крестьянских усадеб, видно, что жилое помещение занимает ничтожное место среди всего нагромождения построек. По словам одного наблюдателя крестьянской жизни XIX в., хозяйственные постройки обходились крестьянам втрое дороже, чем постройка жилища⁵⁰.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

В Белоруссии сельскими населенными пунктами издавна были села и деревни, которые на первых порах были тесно связаны генетически. Села являлись административными центрами деревень, образованных выселенцами из этих же сел. В результате земельных реформ XVI в., когда происходила перепланировка земель и деревень, эта старинная взаимосвязь нарушилась. При перестройке деревень стерлась разница между селом и деревней. В официальных документах того времени сельские населенные пункты назывались селами. В результате этого в западной части Белоруссии название «деревня» стало постепенно выходить из обихода. В XIX в. термин «деревня» употреблялся только в северо-восточной части Белоруссии. Деревни и села были господствующим типом сельского поселения и у русских.

Для белорусской деревни, как и для русской в XIV—XV вв., была характерна бессистемная кучевая застройка, опасная в пожарном отношении. Поэтому из чисто фискальных соображений власти стали предпринимать меры к перепланировке деревень. В результате таких мероприятий в Белоруссии в середине XVI в. появились деревни с новой планировкой. Деревни стали строить в центре отведенных им земель, располагали их в одну улицу, по одной стороне которой стояли жилые дома, по другой — хозяйственные постройки. Такого типа деревни в силу того, что земельные реформы проводились и в королевских, и в частновладельческих имениях, были довольно широко распространены на территории Белоруссии и сохранялись в некоторых местах до XIX в. Деревни с односторонней застройкой были вытеснены деревнями, где жилые постройки располагались по обе стороны улицы, а гумна и хозяйственные постройки стояли у них в тылу. Деревни с двусторонней застройкой возникли стихийно в результате естественного разрастания населенного пункта с приростом населения. Такой тип планировки деревень в XIX в. являлся господствующим. Только для Белоруссии были характерны такие населенные пункты, как околицы и застенки. Появились они не ранее XVI в., по всей вероятности, в результате «Уставы на волоки» 1557 г. Это поселения мелкой шляхты. Шляхетские околицы и застенки застраивались без всякого порядка и системы, потому что на них не распространялись законы о перепланировке, обязательные для крестьян.

Виды и типы белорусских крестьянских усадеб были тесно связаны с формой приусадебных наделов и с типом застройки деревень. На протяжении многих веков феодальной эпохи белорусская народная усадьба

⁴⁹ Андрей Мейер, Описание Кричевского графства 1786 года, «Могилевская старина», вып. II, Могилев, 1901, стр. 97.

⁵⁰ «Туров и Туровщина», «Минские губернские ведомости», 1877, № 4—9.

претерпела множество изменений. В XIX в. в Белоруссии наблюдалось два отчетливо выраженных типа усадьбы: погонной и веночной застройки. Погонная застройка двора была широко распространена в юго-западных областях Белоруссии, где земельные реформы XVI в. имели большой размах и силу. Не меньшую давность имеет веночная застройка двора, характерная для северо-востока Белоруссии. В XIX в. наблюдались многочисленные варианты и переходные формы двух типов застройки усадьбы.

Материалы, относящиеся к истории сельских поселений, их численности и планировке, так же как и материалы о типах усадеб, могут только косвенным образом служить для разрешения вопроса этногенеза, поскольку эти области материальной культуры народа в значительной степени зависели от социально-экономических и географических условий.